

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ,
*поэт, директор Международного Центра
сближения культур под эгидой ЮНЕСКО*

ГЕРОИ ИЛИ ЖЕРТВЫ?

Историческая правда

Мы нуждаемся в правде. В исторической правде о том, что происходило не только за прошедшие тридцать лет или в глубокой древности, но и в XX веке, который прошёл у нас на глазах.

Как излагается история наших самых популярных героев?

Недавно я прочёл в газете статью, посвящённую 100-летию Рахимжана Кошкарбаева.

...Мы дружили с ним. Он был директором бани на Октябрьской. Мы часто заходили туда попариться и поговорить. Иногда Кошкарбаев присоединялся к нам. И в процессе мы часто просили его рассказать о своей жизни на фронте.

В те дни в Союзе писателей мы готовились к очередной дате. Я выступил перед нашими писателями с предложением подготовить к этому юбилею сборник, куда вошли бы воспоминания:

«Если кто-то воевал, пусть напишет свои воспоминания, если нет, пусть найдёт соседей-фронтовиков. Запишите их рассказы. Мы соберём их в сборник и издадим».

Во время одной из встреч с Кошкарбаевым я предложил ему поучаствовать в этом и рассказать – что было на самом деле 30 апреля 1945 года в Берлине?

Он согласился рассказать правду.

«...Я тогда был командиром взвода, у меня под началом служил ординарец Григорий Булатов. В тот день вокруг нас стрельбы уже не было. Где-то отдалённо раздавались выстрелы. Справа от нас метрах в двухстах стоял разрушенный дворец. Я знал, что это Рейхстаг. Было видно, что там уже пусто. Мы с Булатовым решили проверить. Доползли, хотя уже можно было передвигаться короткими перебежками. Пули вокруг не свистели. Высокие двери дворца открыты, некоторые выбиты. Крыша разрушена.

А на мне под гимнастёркой обёрнут штурмовой флаг. Обычно перед тем, как войти в город или посёлок, командирам взводов их выдавали. И мы, как отвоёвывали дом, тут же размещали флаг, чтобы солдаты за нами знали, что дом взят, и не атаковали его.

Я смотрю – Рейхстаг уже, по сути, давно взят и явно пустует, вытащил флаг, хотел водрузить – а прикрепить не к чему. Тогда Булатова посадил на плечи, и он прицепил штурмовой флаг повыше, над дверью.

Вдруг слышим внутри какие-то женские голоса. Мы приготовили автоматы, заходим. Смотрим – две женщины с чемоданами, ходят, что-то собирают. Говорят по-русски.

Мы на всякий случай: «Хенде хох! Руки вверх!» Вывели их. Спрашиваем: «Откуда вы? Что делаете?» – «Да вот, вещи собираем, но здесь ничего нет, всё пусто...»

Выяснилось, что эти женщины были пригнаны сюда из России на работы.

Через некоторое время видим – через площадь бежит наш солдат. Я его остановил и поручил отвезти женщин в часть.

Мы вернулись, я доложил обо всём своему командиру. Тот передал дальше – штурмовой флаг на Рейхстаге. И 2 мая во фронтовой газете на первой странице сообщение: «Славные сыны казахского народа Кошкарбаев и укра-

инского народа – Булатов водрузили флаг на взятом Рейхстаге». Каждого тут же наградили орденом Красного знамени. Мы довольны, всё хорошо. А потом началось продолжение нашей истории.

Тот солдат привёл женщин с чемоданами к себе в часть и доложил командиру, что на Рейхстаге установлен штурмовой флаг лейтенантом из соседней части. Этот докладывает выше – командиру полка. Командир полка передал ещё выше. И так по лесенке информация дошла до Жукова. А у него было задание – водрузить на Рейхстаг знамя Верховного Совета СССР. И он дал поручение: срочно найти и подготовить к водружению знамени правильных героев – русского и грузина. Русского нашли быстро. Егоров был разведчиком, орденосцем. Грузина искали долго и, наконец, нашли в хозчасти. Он помогал там колоть двора и готовить еду. Недавно мобилизованный. Но фамилия подходящая – Кантария.

И 9 мая со съёмочной группой всех отправили на Рейхстаг. Поднялись на крышу, установили знамя. Всё запечатлели. Конечно, символически это правильно. Русский народ, грузин – полководец. Это была символическая точка в войне.

Но с середины мая начали награждать участников этой акции. Раздавать золотые звезды. Наградили командиров дивизии, полка, части. Дали звезды Егорову и Кантария. Наградили золотой звездой даже того солдата, проводившего женщин в часть.

Булатов переживал это очень сильно. Через некоторое время попал в тюрьму, много пил, всем рассказывал о том, что это он повесил флаг. А когда вышел из тюрьмы, повесился. Так закончилась эта страница истории».

Я спрашиваю: «А как же фильмы и кадры хроники взятия Берлина, как штурмуют Рейхстаг, прорываясь сквозь толпы немцев, как Егоров и Кантария водружают флаг?»

«Конечно, это всё придумали. Но ведь война была по-настоящему. И подвиг, и трагедия народа. Поэтому на такие мелочи не стоит обращать внимания. Наградили орденом, и спасибо. Недавно моё имя дали какой-то пионерской организации в Германии», – ответил Рахимжан Кошкарбаев.

Я взял тетрадку с этим рассказом и отнёс в Союз писателей, отдал сотруднику, которому поручил собирать принесённые рассказы.

Спрашиваю: «Много собрал?»

– Вы первый принесли.

Оказалось, никто из писателей, к которым я обратился, не воевал, а знакомых фронтовиков у них не нашлось. И желания. Тех нескольких, кто воевал, мы знали. У них даже книги вышли об этом. А новый состав оказался неспособен даже сохранить историческую память.

Я обратился с этим призывом ещё раз. Принёс рассказы своего дяди Фазыла и дяди Артыка, вернувшихся с фронта один – майором, второй – капитаном. Сдал всё, что собрал, одному чудаку в Союзе писателей. Договорился с издательством «Жазушы». И уехал. Тогда я часто бывал в разъездах. А когда вернулся, спрашиваю:

– Сдал в издательство?

– Не помню, вроде сдал.

Тот юбилей прошёл как-то незаметно. Сборник так и не вышел. Но самое главное – тетрадка с воспоминаниями Рахимжана Кошкарбаева была утеряна безвозвратно. А ведь это был исторический документ.

Почему мы пропускаем, упускаем факты живой истории?

Наша историческая наука за последние тридцать лет не развивалась. Набор разрозненных, лишённых внутренней взаимосвязи фактов прошлого, из

которых половина ложных — ещё не история. Я не могу назвать историка, чьи произведения прочёл за эти десятилетия. И так могут сказать многие из наших граждан.

Герои или жертвы

...В исторической ретроспективе та война была войной осознанного интернационализма с сознательным нацизмом.

Но провокатором войны был Сталин. Он не считал людей даже за «человеческий материал». Для него ничего не стоила человеческая жизнь. Тысяча жизней. И даже миллион. Таких масштабов было его самомнение. Ростом он был 160 сантиметров, травмированная в детстве рука высохла. И он комплексовал, когда рядом стояли те, кто был выше. Из высшего командного состава в живых оставил только Ворошилова и Будённого. Один из них был на полтора, а другой — на два сантиметра ниже его. Им он оставил право жить и носить погоны. Так он «укреплял» Красную Армию. Боясь заговора, уничтожил весь командный состав своей армии, которая двадцать лет готовилась к войне. Уже с финской войны полками командовали капитаны и лейтенанты. Об этом стало известно в Германии, и война оказалась неизбежна.

Гитлер планировал начать войну в мае, но что-то помешало. Если бы нападение началось в мае, Москва была бы взята. Армия была обессилена. Задержка на два месяца спасла страну — начались дожди, танки завязли, а потом и морозы подоспели.

Тогда Красная Армия состояла из четырёх миллионов офицеров и солдат. Три миллиона стояли на западных границах. Один миллион оставался на Дальнем Востоке — против Японии. В первые два месяца войны почти вся армия на западном направлении была уничтожена. Убиты или взяты в плен. Некоторые из наших старших писателей были тогда солдатами. Они рассказывали мне, как сдавались в плен: «Мы бежали голодные, босые. Выскакиваем на дорогу с поднятыми руками. А эти едут на машинах, хохочут. Отказывались брать нас в плен. Пленных ведь надо содержать. А нас почти два миллиона. Еле сдались».

Фашистская армия двигалась к Москве по двум направлениям: через Ржев и по Волоколамскому шоссе. А Москву уже нечем защищать. Все необученные студенты, старшеклассники уже под ружьём. Украина, Закавказье, Беларусь и Прибалтика захвачены. Откуда брать резервы? Москва уже эвакуируется. Эшелонами отправляли на фронт всех подряд из ближних областей. По дороге учили. Рекрутов набирали из Казани, Западного Казахстана, Алма-Аты.

На Волоколамском шоссе стояла Панфиловская дивизия. Им нужно было продержаться две недели до подхода того миллиона, который начали перебрасывать с Дальнего Востока. Сталин наконец поверил сообщению Рихарда Зорге о том, что Япония не будет нападать на СССР. Ей хватало Америки.

В результате до подхода миллиона солдат с Дальнего Востока казакстанцы и остальные солдаты, набранные из ближних регионов, продержались две недели, обороняя два направления: Ржев и Волоколамское шоссе. И история о 28 героях-панфиловцах не случайно получила такую известность. Они действительно стояли насмерть.

У Твардовского есть стихи:

*«Я убит подо Ржевом,
В безыменном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налёте.*

*И во всём этом мире,
До конца его дней,*

*Ни петлички, ни лычки
С гимнастёрки моей.*

*Я – где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я – где с облачком пыли
Ходит рожь на холме...»*

...17 ноября 1941 года Сталин издал приказ: все села в радиусе 100 километров от Москвы сжечь. Наступала холодная зима. И чтобы немцам было негде остановиться и отогреться, сжигать эти села направлялись молодые девочки. В том числе оказалась и Зоя Космодемьянская. Её схватили сами жители, когда она сожгла три дома, и сдали немцам. Уцелевшие жительницы запомнили её слова, которые она произнесла уже с петлёй на шее: «Сколько нас ни вешайте, всех не перевешаете, нас 170 миллионов. Но за меня вам наши товарищи отомстят».

Её и тысячи других девочек послали выполнять задание Сталина. Мальчики погибали на фронте, а девочек посылали сжигать подмосковные села.

Почему мы не говорим об этой правде? Жалеем «светлый» образ Сталина?

А взятие Берлина «ударными темпами»? Жуков непременно хотел взять Зееловские высоты, никому уже не нужные. Они давно не представляли стратегического значения. Нет, надо взять. И неважно, сколько сотен тысяч человек положили на это. Жуков тоже мыслил сталинскими категориями. Люди прошли почти пять лет войны, выжили и погибли на Зееловских высотах, чтобы взятие Берлина состоялось 1 мая, как велел Сталин. Но не получилось, и взяли 2 мая.

Когда в 1946 году стали известны потери немцев – 8 миллионов, Сталин объявил, что советский народ потерял всего 7 миллионов: потому что народ-победитель должен был потерять меньше. То есть соврать. Хрущёв после XX съезда повысил цену победы – 20 миллионов. Горбачёв довёл цифру до 27 миллионов. Так и остановились на этих данных. Современные историки называют и 42 миллиона. Вот такая цена была у победы из-за главнокомандующего, сотворившего в 30-е годы такое со своим народом. Известный прозаик Астафьев очень точно сказал о победе: «Мы утопили немцев в своей крови».

Поэтому понятно отношение Рахимжана Кошкарбаева и его честная оценка. А мы успели открыть для себя историческую правду о штурмовом флаге на Рейхстаге.

И Рахимжан Кошкарбаев должен остаться в нашей памяти как честный человек.

Я знал и Бауржана Момышулы. Знал его давно, с детских лет, с того дня, когда прочёл «Волоколамское шоссе». Потом узнал его лично и в общении открывал в нём новые и новые черты, которые не зачёркивали литературный образ, врезавшийся в сознание.

Ему не дали звание «Героя» при жизни, потому что он был настоящим героем. И когда посреди боя его вызвали в штаб – заполнять документы на награждение, он выругался: «Там у меня полк погибает! А вы вызываете меня по всяким пустякам!» – и умчался обратно, к своим солдатам. А звезду получил другой, который остался в штабе.

После войны полковника Момышулы пригласили читать лекции в Московской военной академии. На первой лекции присутствовал и сам началь-

ник учебного заведения, генерал. После лекции он пригласил вновь испечённого преподавателя к себе в кабинет. «Всё прошло хорошо», – сдержанно похвалил нового преподавателя генерал. «Замечания есть?» – волнуясь, спросил Бауке. «Есть одно. Акцент немного мешает», – сказал начальник. «Акцент? – спросил недавний фронтовик и неожиданно перешёл в атаку: – Пошёл на хер! Акцента нет?» И покинул академию навсегда.

Однажды советские журналисты брали интервью у Рауля Кастро. На вопрос: «Какие из наших военных героев наиболее популярны на Кубе?» министр обороны этой страны ответил, не задумываясь: «Чапаев и Бауржан Момышулы». Книга Александра Бека «Волоколамское шоссе» читалась на Кубе не только как художественное произведение, но и как учебное пособие в военных училищах. Узнав, что Бауржан Момышулы – не выдуманный литературный герой, что он жив и сам пишет, Рауль Кастро передал ему через журналистов приглашение посетить Кубу.

...После возвращения из поездки Бауке пригласил меня домой. Я видел знамя кубинской дивизии, почётным командиром которой он был там назначен. Фотографии, где изображён полковник Бауржан Момышулы, принимающий военный парад в его честь. Видел ворох газет с материалами, отражающими моменты его пребывания на острове свободы. Где, в каком нашем музее хранятся эти материалы?

Одно из своих стихотворений я посвятил обоим – Бауржану Момышулы и Рахимжану Кошкарбаеву:

Их имена шуршат
как штурмовые флаги:
Бауржан Момышулы
и Рахимжан Кошкарбаев...
...Атака, как потрава,
Взбуждает дар крота,
когда ударит справа
чужая высота.
Зажмуришь рану
броском горсти.
«Вставай!»
«Не рано?»
«Пора. Прости...»
Прижата пулемётом
ноздриями в грязь
момышевская рота.
Не поднялась.
Подался, искорёжен,
твой правый фланг.
Нет тяжелее ноши
в бою, чем флаг.

Погибнуть – ведь не то же,
что околеть?
Вопрос, казалось, лёгкий,
ответ не прост.
Ты испытал такое –
вставать с колен?
Неведомое счастье –
подняться в рост!
Крылатое мгновенье,
как взмах пера,
талант бойца –
уменьё –
понять пора!
Предчувствовать событие –
нелёгкий дар.
Пора!
Ты из укрытия
и под удар.
Хвосты обмоток,
бинтов кора,
из черных глоток
итог: «Пора-а!»

Реальные биографии этих таких разных, но исторических фигур по-своему дополняют биографию XX века драматически насыщенными деталями, позволяя новым поколениям узнать не придуманную, но правдивую историю о героях и жертвах нашей истории.